

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Сегодня имя Максима Богдановича известно далеко за пределами Белоруссии. Книги поэта неоднократно издавались в переводе на русский и украинский языки, они выходили в Польше, Англии, ФРГ, США и других странах. Однако не просто и не вдруг они приходили и приходят к всесоюзному и европейскому читателю. Об этом говорят, в частности, первые переводы произведений Богдановича на русский язык.

Первая русская книга белорусского поэта «Избранные стихи» увидела свет лишь в 1940 году. У литературоведов сложились мнения, что первые русские переводы из Богдановича, кроме, разумеется, автопереводов, появились только после Великой Октябрьской социалистической революции, т. е. после смерти автора знаменитого «Вянка». Однако обращение к архивным материалам показывает, что еще до революции, при жизни писателя, делались попытки познакомить русскоязычного читателя с его творчеством.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, в фонде известного в свое время историка русской литературы, переводчика, публициста и критика Василия Евграфовича Чешихина-Ветринского находятся неизвестные до сих пор два перевода на русский язык стихотворений Богдановича «Возера» и «...Сэрца ные, сэрца кроіцца ад болю». В переводе «Возера» не озаглавлено:

В чарке темной и глубокой
Плещет, пенится вино;
Хмелем светлым и холодным
Колыхается оно.
И качается осока,

ЗМИТРОК БЯДУЛЯ называл его «человеком европейской образованности». Ни грана преувеличения! Об этом говорит все созданное Богдановичем — стихи, проза, публицистика.

В статье «Глыбы и слоі» — обзоре белорусской литературы 1910 года — есть «самохарактеристика» поэта: «Што да Богдановіча, то ў ім непрыкметна шпаркага развіцця, хоць асобнасці яго таленту выступаюць ужо даволі ясна. Гэта паэт — маляр. Слабы як лірык, ён усю сваю ўвагу звяртае на вобразнасць зместу вершаў... Што варта гэтага праца, скажэ пакуль што цяжка, а гому, адзначыўшы даволі шырокі круг тэм у гэтых вершах і бледнасць мовы іх, я перахаджу да другарадных паэтаў...»

Полагают, будто эта «самохарактеристика» могла быть вписана в статью сотрудниками «Нашай нівы». Мне кажется, есть аргумент в пользу того, что строки эти принадле-

ИСКУССТВО И МЫ

И шумит высокий бор,
И в душе не утихает
Струн веселый перебор.
Если первое стихотворение можно отнести к пейзажной лирике, то второе — к лирике гражданской:

Сердце плачет-поет в злой
тоске по воле...
Как пойду из тесной хаты
в чисто поле,
В поле ветер ходит, песни
распевая...
Замолчи, отстань, тоска моя
немая!
Встану, встану я душой
в отваге лавиной
Да зальюсь я песней сольной,
соловиной,
Позабуду я тоску мою,
недолю,
Размечу ее по зеленой
раздолью!

Стихи Богдановича написаны черными чернилами на отдельных листах бумаги и находятся рядом с переводами на русский язык некоторых стихотворений Т. Шевченко («...Уж солнце вешнее скрывалось», «Пророк», «...Зеленел и цвел барвинок» и И. Франко («...Под горой село лежит»). Под одним из переводов тем же почерком, только уже красными чернилами: Ч. Ветринский. Видимо, переводы предназначались для публикации, но по каким-то причинам не были опубликованы.

Когда же сделаны переводы? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, ибо мы, по существу, сталкиваемся с первыми переводами про-

изведений Богдановича на русский язык. От них, возможно, мы теперь и будем отсчитывать время встречи Богдановича с русским читателем.

«Возера» и «...Сэрца ные, сэрца кроіцца ад болю» впервые напечатаны в газете «Наша ніва» в апреле и октябре 1911 года. В то время семья Богдановичей находилась в Ярославле. Под одним из стихотворений стоит авторская пометка: Ярославль, 1910 г. Видимо, в эти годы и перевел Чешихин-Ветринский, который был хорошо знаком с Богдановичами по Нижнему Новгороду, эти два произведения. Вполне возможно, что оригиналы были получены непосредственно от самого Максима Богдановича или его отца.

Более поздняя дата перевода мало вероятная, так как переводы написаны на листах бумаги со штампом: «Московское губернское земство. 1908 9 год». Вряд ли эти проштампованные листы могли храниться долго.

Кстати, в материалах того же Чешихина-Ветринского хранится еще один документ, который имеет к Максиму Богдановичу если не прямое, то косвенное отношение. Имеется в виду открытка отца поэта, известного в свое время этнографа Адама Егоровича Богдановича, посланная в 1909 г. из Ярославля. Чешихин-Ветринский занялся в то время

составлением «Материалов и словаря писателей нижегородцев», в котором, естественно, самое почетное место должен был занять Максим Горький. Вот что писал отец Максима Богдановича своему адресату, отвечая на вопросы анкеты: «Фамилия — Богданович. Имя — Адам. Отчество — Егорович. Год рождения — 1862 года. Дата рождения — 25 марта. Место рождения: местечко Холопеничи Борисовского уезда Минской губ. Время пребывания в Нижнем или в Нижегородской губ. — с 1896 года по 1908 год. Занятия — служба в Крестьянском банке. Главнейшие печатные труды и работы, посвященные Нижегородскому краю, — статьи в «Нижегородском листке» о деятельности Крестьянского банка в Нижегородской губ. под инициалами А. Б. 9 февраля 1909 г. А. Богданович».

Как мы отметили, к биографии Максима Богдановича это письмо имеет лишь косвенное отношение. Но если мы имеем дело с великим писателем, то и косвенные факты иногда имеют принципиальное значение. Тем более, что относятся они к самому близкому человеку — отцу поэта.

Вячеслав РАГОЙША.

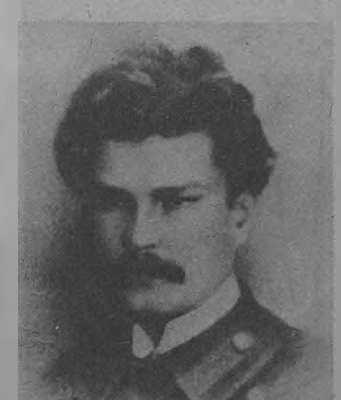
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

отец, не упоминает Блока. Тем не менее многого в Богдановиче не поймем во всей красоте, мощи, глубине, если забудем то, что ярославский приятель поэта Алексей Золотарев не забыл: «Он любил читать — всегда на память — стихи Блока, Белого...». Если с Брюсовым Богдановича сближают несомненные черты «поэта — ученого», то с Блоком роднят его черты именно «поэта — живописца».

Мотивы синевы, мчащихся лошадей, лесуна, русалок, своеобразные мотивы города... Точно так же, как существует блоковский Петербург — Петроград, существует и богдановичева «Вильна»...

Да в мотивах ли дело!.. Куда как существенней, например, размышления Богдановича об интеллигенции. О «трудовой интеллигенции». Или — его размышления о «большой идейной твердости».

ти», которая за «человечеством» не видит человека и не осознает незаменимости каждой человеческой личности». А вот историки изобразительного искусства, в чье поле зрения попадает такой художественный критик, как поэт и прозаик Змитрок Бядуля, пока что не видят влияния мысли Богдановича на становление,

точно вспомнить мадонн Кузмы Петрова-Водкина, Михаила Савицкого!

Богданович недаром был убежден, что религиозность мотива мадонны — исключительно внешняя, что сюжет этот гораздо больше связан именно с самыми светскими интересами людей.

СТИХ БОГДАНОВИЧА удивительно живописен, изобразителен. Вся его поэзия убеждает, насколько чуток был он к взаимодействию искусств. В стройном очерке храма Святой Анны в Вильно он сумел увидеть строгость красоты. Именно строгость! Умел создать поэтический аналог живописи, например, Антуана Ватто («Прыгожы сад, які любіў Вато...»).

И еще он — «поэт-философ». Вот его тончайшее наблюдение над текстом «Слова о полку Игореве»: «Толькі народ, усімі думкамі, усімі рухам жыцця свайго прыкуты да хлебабарства, мог апісваць бітву ў такіх словах: «На Нямізе (рацэ) снапы сцеляць галавамі, малоцяць цапамі харалужнымі, на таку жыццё кладуць, веюць душу ад цела...» (Подчеркнуто мною. — В. Б.). Битва, увиденная глазами человека, которому хлебоборство привычнее, нежели баталии. Он и описывает битву в системе представлений хлебобора, а не заправского воина!..

А вот графически и эмоционально рельефный облик звездной ночи:

Я хацеў бы спаткацца з Вамі
на вуліцы

У ціхую сінюю ноч
І сказаць:
«Бачыце гэтыя буйныя зоркі,
Ясныя зоркі Геркулеса?
Да іх ляціць наша сонца,
І нясецца за сонцам зямля.
Хто мы такія?
Толькі падарожныя, —
папутнікі сярод нябёс.
Нашто ж на зямлі
Сваркі і звадкі, боль і горыч,
Калі усе мы разам ляцім
Да зор?»

Бесконечность Вселенной буквально встает перед глазами, когда переживаешь эти строки, красноречиво выраженную в них пламенную, неистребимую жажду мира...

А уж он-то, познавший ужасы первой мировой войны, ринувшийся в деятельность на родной земле, когда там во всю свирепствовала война (просыпался в Минске от взрывов бомб!), понимал, сколько бедствий для людей, для культуры человечества, для культуры родного народа — от войны!..

ЧЕЛОВЕК, в чьем духовном обиходе были Максимилиан Волошин, и Аристарх Лентулов, Василий Кандинский и Сергей Городецкий (друг Блока!), Александр Блок и Валерий Брюсов, — мог ли он не слышать пронзительный голос предоктябрьского Маяковского?!

Самоощущение поэта в мире важнее текстовых сближений, если хотим понять его место и в современной ему поэзии, и в нашем духовном мире.

Поэт, обогащая родную поэзию так, как обогастил белорусскую поэзию Богданович, становится достоянием всемирной литературы. Это восхождение Богдановича совершается на наших глазах. Венку его поэзии суждено в духовном сознании человечества приблизиться вплотную к сонетам и кансонам Петрарки, сонетам Шекспира, готторским мотивам, Верхарна, неповторимому строю души Маяковского... Столь же вплотную, как приблизился он в нашем духовном сознании к Купале, Коласу...

Всем нам еще предстоит освоить Богдановича, как говорится в науке, типологически. И тогда поймем, что тот день в Ялте — 25 мая 1917 года — столь же трагичен, как день убийства Пушкина на Черной речке, как день смерти Блока... И осознаем, что вместе с этим молодым человеком, «не samotным», имеющим Книгу «з друкарні пана Марціна Кухты», потеряны и богдановичевы «Двенадцать»...

Владимир БОЙКО.

ВОСХОЖДЕНИЕ

жат перу Богдановича: острота негативных характеристик («неприкметна шпаркага развіцця», «слабы як лірык», «бледнасць мовы») приходит в противоречие с «практическим» отношением редакции к его поэзии.

В статье «Белорусское возрождение» Богданович как бы дополнит и прокомментирует «самохарактеристику» — говоря о поэзии Янки Купалы и Якуба Коласа, отметит: «В обзорах белорусской литературы к именам этих двух поэтов принято присоединять и мое. Часть принадлежащих мне стихотворений составила вышедший в 1913 г. сборник «Вянок». Конечно, с моей стороны уместна лишь характеристика, но не оценка их. Отмечу поэтому, что мое творчество было направлено главным образом на расширение круга тем и форм белорусской поэзии».

Здесь уже сознательно сняты самоуничижительные оценки, но явно заужена характеристика, отнюдь не сводимая лишь к «расширению круга тем и форм»...

Именно быстротой поэтического развития характерна муза Максима Богдановича. Именно сила лиризма объясняет, почему этому поэту, как говорится, читателей не занимать. И уж язык его никак не назовешь бледным, несмотря на лексические «погрешности» против норм белорусского литературного языка, мощно шагнувшего вперед со времен Богдановича.

КОГДА-ТО ДАВНО, советуясь с одним из моих учителей о целесообразности предпринять исследование «Богданович и Брюсов» (дескать, он не только «поэт — живописец», но и, подобно Валерию Брюсову, «поэт — ученый»), довелось услышать:

— Маловато материала... Рецензия Богдановича на брюсовскую книжку да кое-какие переклички в мотивах... Для дипломной работы явно мало...

Сколько воды утекло с тех пор!.. Тем не менее живуча фетишизация внешних сближений. Недостаточное углубление во внутренний смысл творчества поэта — как часто оно ведет к неполноте представления о месте его и в круге наследуемых традиций, и в круге поисков нового. Выявляя логику внутреннего мира поэта, стоит помнить: не все факты становления его души фиксированы на бумаге. Да и зафиксированное так часто гибнет на крутых поворотах истории...

Среди поэтов, любимых Максимом, Адам Егорович,

Этот поэт типологически принадлежит к кругу отечественной поэзии, где светятся имена таких индивидуальностей, как Блок, Брюсов. Богданович вбирает, органично усваивая мощной поэтической индивидуальностью, и блоковское и брюсовское начала. Блок и Брюсов в его духовном мире значимы столь же, сколь Пушкин, Гейне, Горький, Купала, Колас...

НЕСОМНЕННО, во взглядах Максима Богдановича на исторические пути развития родного народа и его искусства немало внутренних противоречий. Мы их легко определяем, глядя из другой эпохи. А он — сын своего времени. Однако, мне кажется, невелика мудрость констатировать эти противоречия — достойнее увидеть динамику их преодоления поэтом. А духовный мир Богдановича чрезвычайно динамичен. И если, например, полагаем, что Богданович недостаточно осознавал значение для белорусского народа, для судеб его культуры воссоединения с русским народом, — здесь необходимы, на мой взгляд, более существенные комментарии, нежели ссылка на понимание им того, что с этой поры «пачалася ў жыцці Беларусі новая глава». Разве не в будущее глядел он, когда незадолго до смерти писал весьма недвусмысленно: «Раз данные народы живут в одних и тех же государственных условиях, вместе работают над их усовершенствованием, вместе участвуют в государственном строительстве, знают общие победы и поражения, — они не могут быть чужды друг другу. Нужно только, чтобы эгоистические интересы отдельных народностей не подавляли этой естественной (Подчеркнуто мною. — В. Б.) государственной спайки». И несколько ниже, выявляя отсутствие всякой национальной ограниченности, определяя «именно русскую культуру» как «мощный фактор», сплавляющий народы: «Ее печать лежит на духовном творчестве любого народа России, она является для них общей почвой, сближая содержание их культур, их идейных и литературных течений». Разве это не относится к движению его мысли по руслу углубления понимания факта воссоединения белорусского народа с русским и для социального творчества, и для судеб культуры?!

ИСТОРИКИ ЭСТЕТИКИ Белоруссии Э. Дорошевич и Вл. Конон подчеркивают, что он был «решительным противником той поверхностной «идейнос-

скажем, живописи Белоруссии нашего столетия...

Перечитывая созданное Богдановичем под углом зрения интересов изобразительного искусства, воочию убеждаешься: он знал искусство и успел высказать немало принципиального и для сегодняшней художественной практики. Да, для сегодняшней!.. Это красноречиво подтверждают и его размышления о мотиве мадонны в мировом искусстве, и о народном творчестве, и о необходимости воспитывать в себе умение видеть новаторские поиски... Так, говоря о взаимодействии творческого наследия и новаторских поисков, он устами одного из своих персонажей замечает: «Але не верта, усягды мне здавалася, рэч якую-небудзь толькі таму ганіць, што яна для нас за навіну прызнацца павінна. Бо ўсё тое, што цяпер навіною завецца, праз час які старыноі мае быць, для людзей усіх стаўнаў звяжылай, а ўшанавання і абароны годнай». Согласитесь, что мысль эта не устарела!..

Поэт ориентировался в древней, классической и современной ему живописи. Имена Рафаэля, Сальватора Розы, Айвазовского, таких современников поэта, как Лентулов, Кандинский, Волошин, и ряда других в его творчестве свидетельствуют о глубоком интересе этого «поэта-майлара» к изобразительному искусству.

Проследим мысль Богдановича в этюде о мадоннах: «...всего лучше... Мадонны... во всяком мало-мальски полном собрании старинного европейского искусства... Мадонны эти — соль всей живописи тогдашней, а потому, стало быть, и всяческой; ибо вряд ли можно сказать, что с тех пор живопись далеко вперед ушла... Взять хотя бы тех же Мадонн; такая... в иных из них широченная мысль таится, — в три обхвата прямо!.. Только высказать суть ее — дело не совсем легкое... Художники, ...цельности, что ли, жажда и образ высшей красоты создать стремясь, попробовали... в одном лице слить между собой черты и девственной и материнской красоты. Слить, понимаете, и образом этим завершить все здание искусства...»

Он видит мадонн, достойных художнического отражения, в современной ему жизни — среди народа.

Он пророчески характеризует жизнеспособность образа мадонны.

Время доказало обоснованность взглядов поэта: доста-